

А.Г. Белова

**Культовая лексика доисламской Аравии
в эпиграфике и письменной арабской традиции
(бог, божество, идол)¹**

Анализ культовой лексики свидетельствует о том, что арабский пантеон формируется в результате длительных контактов жителей Центральной Аравии с древними политеистическими цивилизациями северного и южного ареалов семитоязычного мира. Этот пантеон «накладывается» на более архаичные местные культы камня и других природных объектов.

Ключевые слова: пантеон, бог, божество, идол, имена собственные, родовые термины, камень.

0. Пантеоны божеств Аравии доисламского периода имеют длительную историю изучения как в культурно-историческом, так и в этимологическом аспектах. Установлены имена собственные объектов поклонения, их функции, иерархия в местной системе высших сил. В нашу задачу входит другой аспект рассмотрения некоторой части культовой лексики, а именно рассмотрение терминов, отражающих обобщенное, родовое понятие божества или его изображения. Соотношение таких родовых терминов и имен собственных конкретных объектов веры и поклонения прослеживается и устанавливается в контексте эпиграфических памятников и сообщений письменных источников.

Эпиграфические данные о пантеоне аравийских божеств можно условно разделить на «североаравийские» и «южноаравийские». Основная часть этих памятников связана с первыми веками прошлой эры и первыми веками нашей эры. Иными словами, эти памятники отделены несколькими веками от эпохи возникновения ислама в Центральной Аравии.

0.1. Первая группа эпиграфических материалов представлена большим корпусом лихьянских, самудских и сафских наскальных надписей — граффити и арамейско-набатейскими текстами мемориальных сооружений². Эти памятники обнаружены главным образом на северо-западных и северо-восточных окраинах Центральной Аравии. В этих памятниках прослеживается своя система культовой лексики и терминов, частично отражающая влияние арамейско-набатейской цивилизации.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта INTAS: The INTAS Yemeni Project. Russian 2 «Lexicographic Study of Religions Terms in Epigraphic South Arabian Languages and Semitic Context» (2006–2008).

² Основные издания текстов и исследования по североаравийской эпиграфике [Шифман, 1976, гл. VIII–IX; Branden, 1950; Caskel, 1957; Corpus Inscriptionum Semiticarum, Pars I. P., 1950 [CIS]; Devresse, 1945; Höfner, 1970; Jamme, 1969; Knauf, 1981; Littmann, 1940; Lundin, 1981; Macdonald 2000; *он же*. Macd, al-Mu'azzin, Nehmé 1996; Milik, Winnet, 1957; O'Connor 1986; Oxtoby, 1968; Winnet 1957; *он же*, Harding, 1978; Белова, 1994, гл. I–III].

0.2. Вторая группа эпиграфических материалов представлена текстами надгробных и мемориальных надписей, обнаруженных на южном краю Центральной Аравии при раскопках древнего центра Киндитского царства *Qaryat al-Faw*³, время существования которого относится приблизительно ко II–IV вв. н.э. В этих текстах прослеживается соответственно культурное влияние южноаравийской цивилизации. В частности, отмечаются имена божеств южноаравийского пантеона.

0.3. Данные южноаравийской эпиграфики (сабейские, катабанские, маинские и хадрамаутские тексты) относятся к достаточно длительному периоду существования высокоразвитой цивилизации оседлого типа. Пантеон южноаравийских божеств⁴ и представления о них у жителей Южной Аравии мало совпадают с пантеоном древнеарабского кочевого общества не только номинально, но и по своим объектам поклонения.

Южноаравийский пантеон представляет в основном иерархию астральных божеств [Höfner, 1970: 254], располагает системой храмов и их служителей, системой символических жертвоприношений. Имена божеств этого пантеона характеризуются наличием замещающих их эпитетов, локальных наименований и прозвищ, связанных с названием храма или места его расположения.

0.4. Письменная арабская традиция возникает в первые века ислама. Сведения об исторических событиях доисламского периода, о пантеоне божеств и об особенностях языческих культов и ритуалов сообщаются арабскими авторами, которые, в свою очередь, опираются на устную историческую традицию — традицию рассказчиков-передатчиков историй и событий племенного арабского общества предисламского и раннеисламского периода⁵.

1.0. Соответственно двум различным типам источников (эпиграфическим и арабской исторической традиции) информация о пантеоне божеств, о системе ритуалов и организации культов может быть условно охарактеризована по двум типам: а) как информация «объективная», т.е. представленная непосредственным участником ритуала или участником прямого обращения к своему божеству: текст исходит от своего автора; б) как информация «опосредствованная», которая сообщается повествователем или историком со слов и воспоминаний стороннего наблюдателя, очевидца давних событий, ритуалов и их объектов.

1.1. (а) Эпиграфические тексты представляют прямое обращение верующего к своему божеству — просьбу о защите, о помощи, об исцелении, о наказании врагов и т.п.

(б) Арабская историческая традиция приводит детальные описания древних культов, идолов и ритуалов, но дает им уже свои оценки с позиции монотеизма (период идолопоклонничества — это период людского заблуждения), пытается найти причины этого явления, показать его бессмысленность, лживость служителей языческих

³ См. [Пиотровский, 1985, с. 18, 51]; публикации и анализ текста см. [Al-Ansāri, 1977; Beeston, 1979, vol. XLII, pt. 1; Kropp, 1991, p. 245–257; Белова, 2004, с. 112–117].

⁴ Вопросам религии и пантеону божеств доисламской Южной Аравии посвящено большое количество как изданий самих эпиграфических памятников, так и их интерпретаций и исследований. Помимо указанных выше работ отечественных ученых, непосредственно по Южной Аравии см. [Frantsouzzoff, 1995, p. 15–28; *он же*, vol. 31, 2001, p. 59–67; *он же*, 2003, p. 39–64; *он же*, 2004, vol. 2, p. 73–85]. Общие работы, кроме указанных выше [Jamme, 1947; C. Robin (ed.), 1993]. Так же можно указать специальный список основной литературы по теме в книге [Yule, 2007, S. 187–189].

⁵ Основные письменные источники, использованные в данной статье, и их сокращения [al-Kalbī, 1924]. Время кончины арабского автора ал-Калби относится примерно к 820-м годам н.э. На русском языке [Полосин, 1984]; кроме того, используются данные из [Wahb ibn Muḥabbih, 1979]. Время кончины автора относится примерно к 728 г. н.э. Учитываются данные и более поздних арабских историков: ат-Табари (838–923 гг.) и др. Специальная работа о пантеоне божеств Центральной Аравии [Fahd, 1968].

святилищ, идолов и языческих пророков. Вместе с тем в исторические тексты также включаются прямые цитаты из доисламских поэтов и высказывания древних идолопоклонников, отражающие их мировоззрение и отношение к своим божествам и их изображениям.

1.2. Что может дать нам сопоставление двух источников для прояснения вопросов истории и этимологии имен собственных и родовых терминов в древнеаравийском пантеоне?

Учитываем, что североаравийские эпиграфические тексты являются аутентичными, однако: а) относятся к более ранней эпохе (судя по исследованиям, они современны периоду существования Набатейского государства с IV—I вв. до н.э. или первых веков его включения в Римскую империю со 106 г. н.э.); б) географически относятся к крайнему северному району Аравии, захватывающему территории Южной Палестины, Южной Аравии и Сирии; в) язык североаравийских текстов имеет свои грамматические особенности, которые позволяют отнести его к особой группе североаравийских диалектов, отличающихся от известных нам древнеарабских диалектов Центральной и Южной Аравии [Белова, 1994, гл. II–III].

Напротив, исторические сочинения арабских авторов, даже самые ранние, дошли до нашего времени в редакциях и рукописях исламского периода, более позднего, чем время их составления данными арабскими авторами. Вместе с тем арабские историки опирались, в свою очередь, на более ранние, не дошедшие до нас сочинения, а последние — как уже говорилось выше — опирались на устойчивую устную историческую традицию, восходящую, судя по цепи передатчиков, до современников периода возникновения и распространения ислама, а также очевидцев остатков и пережитков доисламских языческих культов.

Если сообщения письменной традиции представляют ряд проблем для историков с точки зрения авторского единства сочинения, достоверности сведений, их противоречивости, то для лингвиста исторические тексты предоставляют обильный лексический материал для этимологических исследований, установления культурно-исторического контекста появления и функционирования древних терминов и особых оборотов. Древняя специальная лексика и термины могут способствовать уточнению древних культурно-исторических контактов жителей Центральной Аравии независимо от того, связаны ли эти термины, лексика и обороты с реальными или фантастическими событиями.

2.0. Имена собственные и родовые термины.

Наряду с именами собственными божеств, составляющих пантеоны различных аравийских цивилизаций и различных исторических периодов, существовала более общая, родовая система терминов для обозначения всей категории высших сил и объектов поклонения (бог, божество, кумир) и низших сил «другого» мира (джинны, духи, оборотни). Рассмотрим на нашем материале, как в древней лексике отражаются результаты обобщения и категоризации понятий о высших силах и божествах.

2.1. Прямое обращение к божеству уже по своей направленности, как правило, включало имя собственное божества (или его эпитет) и не требовало его родового определения («бог / господь / владыка» и т.п.).

Такой тип обращения характерен для наскальных текстов североаравийской эпиграфики. Ср., например, *...f — h — It w d-šr slm w- 'wr w- 'rg d-y 'wr h-ḥtt...* [Winnet, 1957: 296] (...И, о Лāt и О, Ду-Шара, [даруйте] безопасность, но ослепите и изувечь-

те того, кто сотрет эту надпись». В тексте отмечены имена двух божеств — Лāt⁶ и Ду-Шара⁷ в прямом обращении.

2.2. Родовое наименование божества в прямом обращении отмечается в основном в составных именах. Так, в некоторых сафских текстах встречается обращение ...*f h-ʾlt h-nmrt sʾlm dsʾr* [Macdonald, ħl-Muʾazzin, Nehmé, 1996: 464–467] «...ô déesse de Namāra mets en sécurité celui qui préserve... / О богиня Намары, даруй безопасность тому, кто сохранит [эту надпись]...»; также в некоторых других сафских текстах отмечается обращение к божеству *ʾlt-dtn* [ibid.: 474–475]. По аналогии с первым случаем второй пример также рассматривается как сочетание родового термина *ʾlt* **ʾil-at*, (f) от общесемитского **ʾil-* (m)⁸ «бог» «богиня + топоним [ibid.: 475]; также *h-ʾlh dhwn ʾtm...* [Winnet, 1957: 87] «О god of DHWN, restore to health... О бог DHWN, исцели...», где можно отметить вторую форму лексемы — **ilāh-*. В изолированной позиции также отмечаются родовые имена как мужского, так женского рода: ...*w h-ʾlh bd...* *h-yʾlt ʾzz...* [Corpus. I: 50] «О, Господь, избавь... О, **ʾilāt*, укрепи...».

В эпиграфике южного ареала (Qaryat al-Faw) также можно отметить использование родового термина *ʾlh-* при имени собственном божества, однако эта конструкция появляется не в прямом обращении к оному, но в косвенной речи в посвятельном тексте: N.N, N.N. *bnū w-ʾhdt mdqnt w-mnsb ʾlh-hm Khl...* [Robin, 1991:115]... «N.N. соорудили и обновили молельню и алтарь своего бога Кахла...».

В сочинении ал-Калби родовый термин *ʾilāh-* «бог, божество» в цитатах прямого обращения к идолам не отмечается, однако используется последними идолопоклонниками в косвенных конструкциях, ср., например, в стихотворных высказываниях бывшего служителя (жреца) идола по имени Нухм: отправившись к идолу совершить обычное жертвоприношение, он понимает свое заблуждение, обращается к единобожию, к «вере Мухаммада»: *fa qultu li-nafs-ī... ʾa hādā ʾilāhun ʾabkamu...* «и сказал я себе... „разве это бог, немой и неразумющий?“...» [al-Kalbī, 1924: 39–40; Полосин, 1984: 29]. В другой части исторического сочинения ал-Калби приводятся (через передатчика) воспоминания человека, видевшего в детстве идола по имени Вадр: «мой отец обычно посылал меня к нему с молоком и говорил: „*ʾisqi-h ʾilāha-ka*“ — напои своего бога» [al-Kalbī: 55; Полосин, 1984: 36]; или: в споре о верблюдице у идола ал-Фалса: *ʾa-tuhfiru ilāha-ka?* [al-Kalbī, 1924: 60] «неужели ты предашь своего бога?» [Полосин, 1984: 38].

Этот же термин *ʾālihat-* (pl.) вкладывается в уста идолопоклонников, фразу которых повторяет Ной (Нӯх) в своем обращении к единому богу («*rabbī*» «Господь мой...»): ...*wa qālū: «lā taḍarunna ʾālihat- kum...»* [71: 20–24] «...не оставляйте никак ваших богов...» [al-Kalbī, 1924: 13; Крачковский, 1963: 462; Полосин, 1984: 17].

⁶ Лāt — имя богини, культ которой был распространен на большой территории Аравийского п-ова: от зоны набатейско-пальмирского культурного влияния на севере до Йемена на юге [Ислам, 1991: 146]. Исследованию ее культа посвящен ряд работ по истории и религии доисламской Аравии [Шифман, 1976, гл. VIII: 92–93; Fahd, 1968: 111–120; Höfner, 1970: 371–382; Devresse, 1945, chap. XIV: 280 et sq.; Macdonald, 2000: 41–49].

⁷ Ду-Шара — имя главного божества у набатеев и сопредельных народов [Шифман 1976: 93–97; Fahd 1968: 71–75; Höfner: 365]. Упоминается как идол по имени *ḡū-š-šarā* у одного из арабских племен. Его образ (или святилище) был воплощен в каком-то материальном сооружении, судя по стихотворной цитате одного из племенных поэтов: ...*ḡalalnā ḡawla mā dūna ḡī-š-šarā...* [al-Kalbī, 1924: 38] — (о сражении с врагами) «мы остановились вокруг Зу-ш-Шарā...» [Полосин, 1994: 29].

⁸ *ʾil-* «dieu, divinité»: Akk *il-/el-* Ug *ʾil Phin Pun* ʾl Hbr *ʾel Aram* ʾl, ʾl Arab Ep ʾl; **ʾilāh-* Hbr Ep *ʾlh Hbr* *-lōha* Aram Ep *ʾlh*, jp *ʾlh-ā* Ug (pl. m.) *lh-m* (pl. f.) *ʾlht* Aram Ep *ʾlh Syr* *ʾalah-a* Mand *alah-a* Arab *ʾilāh-ESA* *ʾlh* [DRS: 19].

В функции родового термина, но не имени собственного, используется лексема *'ilāh-* (pl. *'ālihat-*) «божество, бог» в тексте Корана: *...fa 'ataw 'alā qawmin ya'kufūna 'alā 'aṣnāmin la-hum qālū: yā mūsā ḡ'al la-nā 'ilāhan kamā la-hum 'ālihatun...* [7–138] «...и пришли они [сыны Исраила] к людям, которые чтут⁹ своих идолов. Они сказали: О Муса! сделай нам бога — такого, как их боги...» (ср. пер. [Крачковский, 1963: 134]).

Сравнительный материал двух периодов, периода языческих культов и переходного периода к монотеизму на территории Аравии, свидетельствует о том, что общесемитская корневая основа **'il-* со своими словоизменительными и производными формами развивается в двух направлениях.

1) Сохраняет значение родового термина «бог, божество». В североаравийской эпиграфике это значение просматривается в составных формулах обращения верующего, где общее значение «бог» конкретизируется топонимом или этнонимом в конструкциях типа «о бог такого-то рода / места» и т.п.

Исключительно как родовый термин функционирует лексема *'ilāh-* в тексте Корана и в арабской исторической традиции. Согласно этой традиции в этом же значении функционировали формы *'ilāh-* (pl. *'ālihat-*) в арабских устных текстах доисламского периода.

2) Приобретает функцию и значение имени собственного. Наиболее устойчиво в этой функции закрепляется производная форма жен. рода: в сафской графике *lt*, в арабской передаче *lāt*.

2.3. Как имя собственное божества в североаравийских текстах наиболее распространено имя в форме жен. рода *lāt*¹⁰, уже приводившееся в одном из первых примеров.

В Центральной Аравии соответствующее имя собственное известно как имя идола, получившего уже определенный артикль: *al-lāt*. Идол почитался не только своим племенем сакиф, но и другими арабскими племенами. В описании ал-Калби он представлял *ṣaḥra murabba'a* «четырёхугольный камень» [al-Kalbī, 1924: 15–16; Полосин, 1984: 19]. По сообщению Вахба б. Мунаббиха, идол ал-Лат представлял *ṣaḥra 'aẓīma* «огромный камень/скалу, на котором его поклонники растирали пищу и кормили его. И называлась эта скала *al-lāt*» [Wahb ibn Munabbih, 1979: 213–214]¹¹. В одной из стихотворных цитат приводится имя *lāt* без артикля: *...tabarra'a min lātin wa kāna yadīnu-hā* [al-Kalbī, 1924: 16] «...отрекся от Лāt, которой он служил [ранее]» [Полосин, 1984: 19].

2.4. Форма *lh* как имя собственное божества отмечается в некоторых сафских надписях, ср., например: *...wh-lh ḥnn w-ḡyrt w-slm...* [Winnet, 1957: 284] «...о, *Лāh, [даруй] сострадание, пропитание и безопасность...» (также [Corpus I: 50]). В расширенной форме: *...f-h- ylh t'r...* [Littmann, 1940: 133, № 40] «...и, о *'ilāh, отомсти!..».

В южном ареале Центральной Аравии в надгробной надписи из Qaryat al-Faw сооруженное надгробие передается под покровительство и защиту трех божеств:

⁹ В языческом обиходе глагол *'kf(u)* имел специальное значение «постоянно посещать, пребывать (у своего идола), ходить вокруг», ср. причастную форму страд. залога *ma'kūf-* «(идол), вокруг которого совершается обход» [Гиргас: 545; ВК II: 330; Полосин, 1995: 279]. В других семитских языках соответствия не отмечены. Однако реликт обнаруживается в йеменских арабских диалектах, ср. *'ukfeh* «телохранители имама» [Beh.: 855; Pia: 336].

¹⁰ Об истории этого имени и его носительницы [Macdonald, 2000: 41–49; Höfner, 1970: 371; Devresse, 1945: 280 et sq.].

¹¹ Ср. возможное проникновение названия идола и скалы, его воплощающей, в курдский язык: *lāt(f)* «скала, утес», по мнению автора словаря, «*lāt* — из арабского, имя богини солнца у арабов, символом которой является белый камень» [Цаболов, 2001: 586].

...*b-khl* / *w-lh* / *w-'tr* / *'s²rq*... [al-Ansārī, 1977: 98–109; Beeston, 1979: 1–6]... (под защитой) *khl*, *lh* и *'tr's²-s²rq*. Имя *lh* находится в цепочке перечисления южноаравийских божеств, называемых именами собственными: **kāhil*... **'attar*¹².

С определенным артиклем *'al-* эта форма входит в арабский язык как имя единого бога.

3.0. К терминам, входящим в религиозную сферу употребления, но имеющим более широкое семантическое поле и функции, можно отнести *ba'l-* и *rabb-* «Господь, Владыка; господин, хозяин».

3.1. Общесемитский **ba'l* в значении «Seigneur maître / Господь, Владыка»¹³ входит в составные имена при обращении к божеству, ср., например, в североаравийской эпиграфике: сафск. ...*f h-b'l-smn rwh*... *f h-lt rwh* [Littmann, 1940: 60] «...О Владыка небес (*ba'l samīn*), [даруй] утешение!.. и, о Лат, [даруй] утешение!..»; также ...*f h- b'l smn rwh* [Winnet, 1957: 100] «и, о Владыка небес, [даруй] утешение!..». Формула обращения характерна для текстов североаравийской эпиграфики и тяготеет к зоне набатейско-арамейского культурного влияния [Шифман, 1976: 100–101; Macdonald, al-Mu'azzin, Nehmé, 1996: 477–480].

В североаравийской эпиграфике функционирует как отголосок имени одного из сирийско-арамейских богов [Шифман, 1976: 101]. В южноаравийской эпиграфике функционирует как развернутый эпитет к собственному имени бога: *'lmqh / b'l* / *'wm* [Biella, 1982: 50] «Алмаках, владыка [святилища] *Awm*». В сабейском и арабском функционирует в более широком значении «владелец, владыка» и т.п., применимом не только к божествам [SD: 25], так же как «хозяин (дома), глава семьи». В Коране можно отметить функционирование лексемы в двух значениях: 1) как имя языческого божества [37–125] *a tad'ūna ba'lan*... «разве вы призываете Ба'ала?...» [Крачковский, 1963: 357, 587]; 2) как имя нарицательное по отношению к любому лицу [4–128] ...*wa in imra'atun hāfat min ba'li-hā nušūzan*... «и если женщина боится от своего мужа суровости...» [Крачковский, 1963: 84].

Таким образом, общесемитская лексема **ba'l-* в рассмотренных памятниках выступает в двух функциях: 1) в функции дополнительного или замещающего эпитета к божеству или единому богу; 2) в функции имени собственного — в северосемитском пантеоне¹⁴.

3.2. С аналогичной функцией и как синоним функционирует в письменной и устной арабской традиции лексема *rabb-* «господин, владелец, хозяин; правитель»; *ar-rabb* «Господь» [Гиргас: 281]; так, в Коране *rabbu l-'alamin* «Господь миров». В переводах мехрийских фраз (см. выше) на арабский диалект Хадрамаута используется та же конструкция: *wa rabb al-'alamīn gad 'aṭānā rizg* [там же] «Господь миров ниспослал нам пропитание» или: *wa... rabb al-'alamīn nādā lu-h bi-l-'āfiyah* «и даровал ему Бог (Господь миров) исцеление» [там же]. В значении «высший владыка», по-

¹² **Kāhil* — имя божества, встречающегося как в южноаравийской эпиграфике (минейские тексты) [Jamme, 1969: 142–143; Höfner, 1970: 376–377], так и в североаравийской. Ср., например: *h — khl 'imn*... [Winnet, 1957: 87, № 3–6] «О, *khl*, исцели (NN)...». Среди центральноаравийских идолов не упоминается.

**'attar 'aš-šāriq* «Астар, восходящий на востоке» — астральное божество, имя которого известно в различных фонетических формах в северосемитских и южноаравийских пантеонах [Jamme, 1969: 85–86, 100, 112; Macdonald, al-Mu'azzin, Nehmé, 1996: 478:480]. В центральноаравийском пантеоне это имя не упоминается.

¹³ *Akk bēl Ug Phin Pun b'l Hbr ba'al Aram ba'l-ā Arab ba'l- ESA b'l Gz ba'al Te ba'l / balwā Amh bāl MSA:Mhr bāl Jibb Soq ba'l* «Seigneur; maître; mari» [DRS: 74].

¹⁴ В языке мехри закрепилось особое употребление лексемы **ba'l* в косвенной речи, ср.: *wa bālī ber wazmīn rizg* [SE IX: 67 № 24] «мой Господь (Бог) ниспослал нам пропитание...» или: ...*bālī nūdi lēh bi- afyet* [SE IX: 93 № 35] «и даровал ему Бог исцеление».

видимому, использовался в отношении идолов в доисламской Центральной Аравии, ср. во фразе о человеке, отказавшемся от идолопоклонства в пользу единобожия: ...*wa lā hubalan 'azūru wa kāna rabban* [al-Kalbī, 1924: 21–22] «...и Хубала [имя идола] не посещаю, что был [нам] господином» [Полосин, 1984: 21]; также ср. в другой ситуации — в споре об угнанной верблюдице, которую пригнали к идолу ал-Фалсу: *'inna-hā li-rabbi-ka!* [al-Kalbī, 1924: 60] «ведь она [принадлежит/предназначена] господу твоему!».

В заключение данного раздела следует еще раз отметить, что родовым, общим термином как для языческого божества, так и для единого бога в доисламский период в Аравии служила лексема *'ilāh-* с некоторыми производными формами. Термины *ba'l-*, *rabb-* «господь, владыка» являются вторичными, но их использование закрепляется в среде монотеистов за единым богом.

4.0. Божества, идолы, имена

'in hiya 'illā 'asmā'un sammaytumū-hā 'antum wa 'abā' u-kum [53–23] «они — только имена, которыми вы сами назвали их, вы и родители ваши» [Крачковский, 1963: 421].

Идолы доисламской Аравии, известные нам из арабской исторической традиции, представляя собой материальное воплощение племенных и общеравийских божеств, также имели свои собственные имена. Пантеон центральноаравийских божеств только частично и номинально «пересекается» с пантеоном, известным из северо- и южноаравийской эпиграфики.

Историческая память устной традиции сохраняет представление о некоторой отнесенности последовательности появления идолов и распространения идолопоклонства в Аравии в целом. Так, наш основной источник, ал-Калби, приводит две версии «начала идолопоклонства у арабов»: а) согласно версии «местного» происхождения этого культа, его возникновение связано с древнейшим культом священных камней в святилищах Мекки и других центрах Аравии [al-Kalbī, 1924: 6; Полосин, 1984: 14–15]; б) согласно версии «внешнего влияния», один из прародителей племени *huzā'āt-* познакомился с идолами в Сирии и привез их в Ка'абу [al-Kalbī, 1924: 8–9; Полосин, 1984: 15–16].

4.1. Если обратить внимание на последовательность появления отдельных идолов у арабов Центральной Аравии, а эти идолы перечисляются по именам собственным, то можно заметить, что первые имена номинально совпадают с некоторыми именами южноаравийских божеств, например *Wadd-* [al-Kalbī, 1924: 10; Полосин, 1984:16]: при третьем рассказе о начале идолопоклонства в Аравии первым идолом, доставленным из Джудды, называется *Wadd-* [al-Kalbī, 1924: 51–57; Полосин, 1984: 34–36]¹⁵. Возможно, что этот порядок перечисления связан с тем же порядком перечисления древних божеств в уже упоминавшемся отрывке из текста Корана (2, 2), где приводятся слова идолопоклонников эпохи Ноя (Нӯҳа): ...*wa lā tadarunna waddan wa lā suwā'an wa lā yağūta wa ya 'ūqa wa nasran* [71:20–24]... «(и не оставляйте никак ваших богов), не оставляйте никак Вадда, и Сува', и Йагуса, и Йа'ука, и Насра» [Крачковский, 1963: 462]¹⁶.

Воспоминание о поклонении божеству по имени *Nasr-* сохранилось в исторической памяти арабской традиции как одно из немногих прямых указаний на южноара-

¹⁵ О божестве *Wadd-* в Южной и Северной Аравии [Jamme, 1969: 73; Höfner, 1970: 248, 289, 292; Полосин, 1984, прим. № 31; Arbach, 2002: 62–63].

¹⁶ О значении данного отрывка см. также [Пиотровский, 1991: 50, прим. 3, с. 174–175]; о святилище божества *Wadd* в Южной Аравии см. [Француз, 2004: 322].

вийский пантеон. Поклонение Насру отнесено только к химьяритам и их ближайшим соседям в Йемене (в стране *Sabā*) [al-Kalbī, 1924: 11–13; 57–58; Полосин, 1984: 17, 37]; также [Höfner, 1970: 279, 286].

Таким же образом в доисламскую историю включаются отголоски древних легенд о царице Савской и царе Соломоне: удод Худхуд сообщает Соломону (Сулейману) о том, что подданные царицы Савской поклоняются Шамсу: ...*wa qawmu-hā yasğudūna li-š-šamsi*... [27–24]. Эта история повторяется в сочинении Вахба ибн Мунаббиха [Wahbībn Munabbih, 1979: 166] и в рассказе Убейда б. Шарийа халифу Му'авии [там же, 413, 429], также праотец сабейцев получает теофорное имя *Saba' wa huwa 'abdu šams* «Саба — он же — 'Абд Шамс» [там же, 410]¹⁷.

4.2. Перечислив имена божеств эпохи Ноя, ал-Калби обращается к описанию той группы идолов, имена и описания которых сохранились в памяти арабов и арабских поэтов более близкого доисламского периода. В первую очередь внимание автора направлено на тех идолов, чьи имена упомянуты в Коране: ал-Лат, ал-'Уззу и Манāt [53:19–20]. Историческая последовательность у ал-Калби дается в другом порядке: Манāt — как самый ранний идол (*'aqdamu-ha kullihā* «самым первым из всех был [идол] Манāt» [al-Kalbī, 1924: 12–15; Полосин, 1984: 17–18], затем — ал-Лāt [al-Kalbī, 1924: 16; Полосин, 1984: 19], а позже — ал-'Узза [al-Kalbī, 1924: 17; Полосин, 1984: 19–20]¹⁸.

4.3. Так же как имена (*al*) *Lāt* и (*dū*) *dū-šarā*, упоминавшиеся выше (п. 2.1; 2.3), имя *Manāt* отмечается в набатейском пантеоне [Шифман, 1976: 99–100], а также в текстах североаравийской эпиграфики, в частности в теофорных именах [Macdonald, al-Mu'azzin, Nehmé, 1996: 444–449]. Имя *al-'uzzā* широко известно в ареале набатейского круга [Шифман, 1976: 100], в североаравийской эпиграфике и среди имен южноаравийских божеств [Lundin, 1981: 215; Höfner, 1970: 287; Devresse, 1945: 245].

К этой же группе имен собственных относится имя *Rudā* (*rđy*). Рудā известен как одно из древнейших божеств Северной и Центральной Аравии [Höfner, 1970: 367, 374–375; Lundin, 1981: 211–214]. К божеству *Rudā* обращаются авторы североаравийских граффити: ...*w-h-rđy ġnmt m-šn*'... [Winnet, Harding, 1978: № 1766] «...о Рудā, [даруй] добычу от врагов!..» или: ...*w-h-rđw 'wr m'wr h-sfr*... [Winnet, 1957: № 49] «...и, о Рудā, ослепи того, кто сотрет эту надпись...». Ал-Калби упоминает это имя как имя святилища (*bayt-*) у одного из арабских племен, но в то же время приводит и пример теофорного имени *'abd rudā* «раб Рудā» как свидетельство существования этого идола у этих арабских племен [al-Kalbī, 1924: 30; Полосин, 1984: 25].

4.4. Большинство других имен собственных аравийских идолов, которые приводятся в сочинениях ал-Калби, Вахба ибн Мунаббиха и других арабоязычных авторов, остаются только в пределах центральноаравийского пантеона. Их соответствия в других сопредельных пантеонах не обнаруживаются.

5.0. Центральноаравийский пантеон имеет не только особый состав имен собственных и прозвищ, закрепленных за общеарабскими и племенными божествами, но и особую систему организации их культа.

¹⁷ О солнечном божестве в Южной Аравии см. [Jamme, 1969: 101; Höfner, 1970: 367]; также о «гимне», связанном со святилищем божества *s²ms* [Yu. 'Abdallah, 1988: 106–127; Robin, 1991: 124; Stein, 2008: 204–210].

¹⁸ Относительная «хронология» ал-Калби опирается на наиболее древние известные ему имена у арабов: *'abd manāt*, *zayd manāt* («раб Манāt»), *Zayd al-lāt*, *taym al-lāt* («раб ал-Лāt»), *'abd al-'uzzā*, причем первые из них в генеалогической цепочке появились раньше следующих, по сведению арабского историка [al-Kalbī, 1924: 17–18].

Арабская историческая традиция упоминает некоторые места, где находились известные святилища божеств более раннего периода (Ри'ам, Наджран, Ка'аба в Мекке). Эти святилища именуются как *bayt-* [al-Kalbī, 1924: 30; 46], *al-baytu l-ḥarām* в Мекке [Wahb ibn Munabbih, 1979: 275], также — *masġid-* [al-Kalbī, 1924: 31]. По-видимому, они не были монументальными сооружениями, наподобие южноаравийских храмов периода сайхадской цивилизации, так как первым борцам за единобожие удавалось быстро разрушить или сжечь эти святилища [al-Kalbī, 1924: 12; 15–17; 36].

Особенностью центральноаравийского культа божеств было то, что они имели свое материальное воплощение в виде природных объектов или в виде рукотворных изображений¹⁹. Чаще всего это были объекты естественного рельефа: заметные камни, скалы, выступы скалы или же камни из священных мест, которые можно было увезти с собой как предмет для постоянного поклонения [al-Kalbī, 1924: 6; Полосин, 1984: 14–15].

5.1. Как говорилось выше (3.2), в эпоху идолопоклонничества арабы, еще не смущаемые поборниками монотеизма, называли свои божества родовыми терминами *'ilāh-* (pl. *'ālihat-*), а в прямом обращении — *ya rabbī* «О Господин мой!» [al-Kalbī, 1924: 61; Полосин, 1984: 38].

Однако параллельно с родовыми терминами, обозначающими понятие высшей, верховной силы, устанавливается и родовое, обобщенное наименование ее материального воплощения. Это еще не *ṣanam-/waṭan*²⁰ «идол, истукан», которые появляются в языке монотеистов. Как уже говорилось, материальные объекты поклонения были связаны в основном с камнями и скалами (иногда деревом или пальмой). Естественным образом обобщенное название таких объектов отражает материал самого объекта, а именно камень (*ḥaġar-*), откуда в более позднюю эпоху появляется характеристика идолопоклонничества как «поклонения камням» (*'ibādatu l-ḥiġārati*) [al-Kalbī, 1924: 6].

5.2. Однако в обиходе культовым термином идолопоклонников становится иное наименование, обусловленное особым назначением камня — его функцией и положением в пространстве. Об этом сообщает ал-Калби: «Были у арабов серые камни (*hiġāratun ġubrun*), поставленные стоймя (*manṣūbatun*), вокруг которых они совершали обход и перед которыми приносили жертвы. Называли они их [эти камни] *'anṣāb* (*al-'anṣāb*)» [al-Kalbī, 1924: 42; Полосин, 1984: 30]. При описании водружения священного камня или установки рукотворного изображения какого-либо божества используется глагольная основа *nṣb* «водружать, устанавливать, поставить прямо» и т.п. [Гиргас: 802; ВК II: 1268–1269]. Глагол имеет более широкий круг значений и употребляется по отношению к самым различным объектам: «водружены горы» (*ġībāl nuṣibat*) [88–19]; водружается купол мавзолея (*nasaba qubbatan*) [Wahbibn Munabbih, 1979: 261] и т.п. В системе культовой лексики основа *nṣb* послужила для образования специальных обозначений: водруженных камней — идолов, водруженных жертвенных камней и алтарей. Под производными формами *'anṣāb-*, *nuṣub-* (pl.) понимаются «священные камни» в самом широком значении: идолы, жертвенники, естественные камни, получившие особую функцию в святилище или в семье его владельца, совершающего поездки и перекочевки. Об изначальной священной роли камней — *anṣāb*

¹⁹ Об отношении к изображениям божеств в Южной Аравии ср.: «отсутствие изображений божеств в храмах Хадрамаута и Южной Аравии в целом объясняется благодаря текстам из Райбуна, в которых изображение богини Зāt Химйам рассматривалось как греховное дело» [Frantsouzoff, 2004: 80]; также [Hbfner, 1970: 295–297].

²⁰ О специальном этимологическом анализе этих терминов [Белова, 2008, с. 511–524].

у древних арабов ал-Калби сообщает в своем произведении не раз и по различным поводам: версия «местного» возникновения идолопоклонства повествует о священных камнях из мекканского храма, которые все паломники увозили с собой как священный объект, которому можно было поклоняться и вдали от Ка'абы (п. 4.0 [al-Kalbī, 1924: 6]). Еще раз автор подробно описывает процедуры превращения камней в идолов: «одни из них [арабов] строили себе капище (*bayt-*), а другие брали идола (*ṣanam-*). А тот, кто не мог ни этого [взять идола], ни построить капище (*bayt-*), тот ставил (*naṣaba*) камень (*ḥaḡar-*) перед святилищем или перед чем-нибудь другим, что ему нравилось, потом обходил (*tāfa*) вокруг него подобно обходу (*tawāf-*) вокруг святилища (*bi-l-bayt-*). И называли они их [такие камни] *'al-'anṣāb*. Если они имели вид статуй (*tamāṭīl*), называли их *аснам* (*al-'aṣnām-*) и *аусан* (*al-'awṭān*)²¹, а обход вокруг них (*tawāf-*) [называли] *давар* (*ad-dawār-*). Когда человек был в пути и делал привал, он брал четыре камня (*'arba'at-'aḡḡār-*), выбирал из них самый красивый и брал его себе Богом (*rabbān*), а из остальных трех делал опоры (*'atāfiyya*) для своего котла. Когда же он отправлялся в путь, то оставлял его. А когда делал следующий привал, поступал так же»²².

Учитывая контексты письменного источника, можно предположить, что термин *naṣab-* (sg.) у идолопоклонников мог обозначать не только идола, воплощающего какое-то божество, но и вообще священный камень, не имеющий своего постоянного имени собственного. Это видно из приведенного выше подробного отрывка, представляющего интерпретацию языческой практики в более поздней арабской традиции. Прямыми свидетельствами могут послужить приводимые в сочинении ал-Калби цитаты и клятвы идолопоклонников. Ср., например: *...wa l-lāti wa l-'ansābi...* [al-Kalbī, 1924: 16] «...клянусь [богиней] ал-Лат и священными камнями...» [Полосин, 1984: 19] или: *talaynā bi-bayti-llāhi 'awwala ḥalfatin / wa 'illā fa-'ansābin yasurna bi-ḡabḡabi* [al-Kalbī, 1924: 21] «Первая наша клятва — Домом Аллаха, а если [не им], то священными камнями... у Габгаба» [Полосин, 1984: 21]. В данных примерах и в некоторых подобных можно отметить некоторое разделение и противопоставление объектов поклонения. Для монотеистов и борцов с язычеством такие тонкие функциональные различия в культовой терминологии были уже не так важны: *'anṣāb-* — это любые объекты поклонения и жертвоприношения, жертвенники (ср. Коран 5:90/93 «вино, майсир, жертвенники, стрелы — мерзость из деяния сатаны» [Крачковский, 1963: 101]).

На исходе языческого культа и при ослаблении веры в божества и их идолов тот же камень может послужить для наказания бесполезного идола. Ср. историю про идола по имени *sa'd*: «Это была высокая скала (*ṣaḡrat- tawīlat*)», у которой проливали кровь жертвенных животных. Это напугало приведенных к нему верблюдов, и они разбежались. Рассердившийся хозяин *tanāwala ḥaḡaran fa ramā-hu bi-hi wa qāla: «lā bāraka llāhu fī-ka 'ilāhan!..»* «взял камень, бросил в него и сказал: „Не благословил Аллах тебя [быть] богом!..“» [al-Kalbī, 1924: 37; Полосин, 1984: 28].

²¹ Родовые термины *ṣanam-/waṭan-* (sg.) в значении «идол, истукан» функционируют в текстах и речи монотеистов, борцов с идолопоклонниками, а также вкладываются в уста бывших язычников, отказавшихся от своих идолов и обратившихся к единому Богу. Первый термин, *ṣanam-*, заимствован из культовой лексики северо-западных семитских языков, второй — *waṭan* — заимствован из древних языков Южной Аравии, где не имел культового значения, но входил в лексику сельского земледелия, обозначал «межевой камень; пограничный камень между земельными участками». Об этимологии этих терминов [Robin, 1991, Die paganisme...: 139; Белова, 2008: 513–517].

²² Опираясь на перевод Вл.В. Полосина [Полосин, 1984: 26–27], мы позволили себе сделать его в некоторых местах более «грамматическим», чтобы передать точнее функции терминов в контексте.

6. Историческая память устной и письменной арабской традиции сохранила истории и воспоминания как соседних народов северо-западного и южноаравийского цивилизационного мира (Вахб ибн Мунаббих, ал-Калби, ал-Хамдани, ат-Табари и др.), так и собственные «цепочки» передатчиков сообщений, очевидцев или знатоков более древних событий. В соответствии с текстом ал-Калби, можно отметить, что история идолопоклонства в Центральной Аравии отражает два периода: один отнесен к библейским временам эпохи Ноя, другой, более поздний, связан с появлением идолов: а) из Сирии; б) из Южной Аравии. Одновременно вся история связана с местной традицией почитания камня на территории Центральной Аравии.

В свете лексических данных эпиграфических и письменных памятников, рассмотренных выше, можно составить некоторую условную и относительную хронологию формирования языческого культа в Центральной Аравии.

Те «представители» арабского пантеона, которые восходят к древним цивилизациям северной и южной частей семитоязычного мира, появляются в Центральной Аравии как результат длительных контактов аравийских жителей исторического периода.

Эта группа божеств «вписалась», или «наложилась», на пантеон местных, более архаичных культов камня и других природных объектов. Эти культы возникли задолго до появления известных цивилизаций и письменных памятников. Имена собственные древнеаравийских идолов, не имеющие соответствий в контактных семитских языках и в древнейших памятниках письменности, также представляют разновременную картину. Одни из этих имен могут быть этимологизированы на материале арабского языка и по времени своего появления являются более поздними, другие же, по-видимому, восходят к более раннему периоду или к еще неизвестному языковому субстрату.

Список сокращений названий языков

- Akk — аккадский язык
- Amh — амхарский язык
- Arab — арабский язык
- Aram — арамейский(ие) язык(-и)
- Ep — эпиграфический
- ESA — эпиграфические южноаравийские
- Gz — геэз (древнеэфиопский язык)
- Hars — харсуси (бесписьменный современный язык Южной Аравии)
- Hbr — древнееврейский (библейский)
- Ḥaḍr — арабский диалект Хадрамаута
- Jibb — джиббали (шахри), бесписьменный современный язык Южной Аравии
- Mhr — мехри (бесписьменный современный язык Южной Аравии)
- EC — восточный и центральный диалекты языка мехри
- Mnd — мандейский (арамейский)
- Nabat — набатейский язык
- Ph — финикийский
- Pun — пунический
- Qatab — катабанский (эпиграфический южноаравийский)
- Sab — сабейский (эпиграфический южноаравийский)
- Safait — сафский (язык сафских наскальных надписей северозападных районов Аравии)
- Soq — язык о-ва Сокотра
- Syr — сирийский (арамейский)
- Te — язык тигре (из группы эфиосемитских языков)
- Ug — угаритский язык
- Yemen — йеменский диалект арабского языка

Список сокращений

- Полосин, 1984 — *Ḥiṣīām ibn Muḥammad al-Kalbī*. Книга об идолах. Пер. с арабского, предисл. и прим. Вл.В. Полосина. М., 1984.
- Beh — Behnstedt Peter. Die nordjemenitischen Dialekte. Teil 2: Glossar. Wiesbaden, 1992, 1996.
- Corpus — Corpus Inscriptionum Semiticarum. P. I. P., 1950.
- DRS — *Cohen D.* Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques. Édit. Mouton, La Haye. P., 1970–1999.
- БК, I–II — *Kasimirski A. de Biberstein.* Dictionnaire arabe-français. T. 1, 2. P., 1860.
- KB — *Koeler L., Baumgartner W.* Lexicon in Veteris Testamenti Libros. Leiden: Brill, 1958.
- Pia — *Piamenta Moche / Dictionary of Post-Classical Yemeni Arabic.* Leiden–N. Y.–København–Köln: Brill, 1990.
- Коран — *Al-Qurʿānu l-Karīm.* Dimašq: al-maṭbaʿu l-hāšimīyya, 1963 (первая цифра — номер суры, вторая цифра — номер стиха).
- SD — *Beeston A., Ghul M., Müller W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Édit. Peeters Beyrouth, 1982.
- SE — *Südarabische Expedition.* Bd. IX. Mehri- und Ḥaḍrami-texte gesammelt im Jahre 1902 in Gischin von W. Hein, bearb. und hrs. von D.H. Müller. Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Wien, 1909.

Список литературы

- Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. Изд. 5-е. М., 1976.
- Белова А.Г.* Историческая морфология арабского языка. М., 1994, гл. II–III.
- Белова А.Г.* «Формула вечности» (к вопросу об интерпретации надписи из Карйат ал-Фау) // *Scripta Yemenica.* Исследования по Южной Аравии. Сб. науч. статей в честь 60-летия М.Б. Пиотровского. М., 2004, с. 112–117.
- Белова А.Г.* Идолы и камни. Этимологические исследования доисламской арабской лексики // *Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы.* М., 2008, с. 511–524.
- Ислам.* Энциклопедический словарь. М., 1991.
- Крачковский И.Ю.* Коран. Пер. и комментарии. М., 1963.
- Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991.
- Пиотровский М.Б.* Южная Аравия в раннем средневековье. М., 1985.
- Полосин Вл.В.* Словарь поэтов племени 'Абс. VI–VIII вв. М., 1995.
- Французов С.А.* Обожествление людей в древней Южной Аравии // *Scripta Yemenica.* Исследования по Южной Аравии. Сб. науч. статей в честь 60-летия М.Б. Пиотровского. М., 2004, с. 320–332.
- Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М., 2001.
- Шифман И.Ш.* Набатейское государство и его культура. М., 1976, гл. VIII–IX.
- Al-Ansārī, 'Abdarrahīmān aṭ-Ṭayyib.* 'Aḍwā' ḡadīda 'ala dawlat kindā min ḥilāl 'aṭār wa nuqūš qaryat al-fā w // *ad-Dāra.* ar-Riyāḍ, 1977, № 3.
- Beeston A.F.L.* Nemara and Faw // *BSOAS*, 1979, vol. XLII, pt. 1.
- Biella J.C.* Dictionary of Old South Arabic. Sabaean Dialect. Chico, CA, 1982.
- Branden A. van den.* Les inscriptions thamoudéennes. Louvain, 1950.
- Briquel-Chatonnet, Françoise.* Les arabes en Arabie du Nord et au Proche-Orient avant l'Hégire // *L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet.* Éd. par Chr. Robin. ÉDISUD. Aix-en-Provence, 1991, p. 36–43.
- Cantineau J.* Le Nabatéen. P., 1930.
- Caskel W.* Lihyan and Lihyanisch. Köln–Opladen, 1957.
- Devresse R.* Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. P., 1945.
- Fahd T.* Le panthéon de l'Arabie Centrale à la veille de l'Hégire. P., 1968.
- Frantsouzoff Serguei A.* The Inscriptions from the Temples of *Dhat Ḥimyam* at Raybūn // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, 1995, vol. 25, p. 15–28.

- Frantsouzoff Serguei A.* Epigraphic Evidence for the Cult of the God Sīn at Raybūn and Shabwa // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies, 2001, v. 31, p. 59–67.
- Frantsouzoff Serguei A.* Raybūn et la Mecque (politique et religion en Arabie préislamique) // Arabia, 2003, vol. I, p. 59–64.
- Frantsouzoff Serguei A.* Temples, Tribes, Rulers and Military Campaigns of Ancient Ḥaḍramawt: Harmony and Disagreement between Archaeological Material and Epigraphic Data // Arabia, 2004, vol. 2, p. 73–85.
- Höfner M.* Die vorislamischen Religionen Arabiens // Religionen Alt-Syrien, Altarabiens und der Mandäer. Stuttgart, 1970.
- Jamme A.* Le Panthéon sud-arabe préislamique // Le Muséon, 1947, vol. 60.
- Jamme A.* New Safaitic and Hasaen Inscriptions from Northern Arabia // Sumer. Baghdad, 1969, vol. 25, № 1–2.
- Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī.* Kitābu l-ʿaṣnām. Ed. Ahmad Zaki-bāšā (2 ed.). Al-Qāhira, 1924.
- Knauf E.A.* Zwei thamudische Inschriften aus der Gegend von Geras. // ZDPV, 1981, Bd. 2.
- Kropp M.* Blut- oder Dauerregen im alten Arabien? Zu den frühnordarabischen Inschriften aus Qaryati l-Fāw // Proceedings of the V-th Intern. Hamito-Semitic Congr. 1987, vol. 2. Wien, 1991, p. 245–257.
- Lane E.W.* An Arabic-English Lexicon. London–Edinburgh, 1863–1893.
- Leslau W.* Comparative Dictionary of Geʿez (Classical Ethiopic). Wiesbaden, 1987.
- Lisān al-Arab al-Muḥīṭ li Manzūr b. Mukram b. Muḥammad,* édit. by Y. al-Ḥayyāt, N. Muṣāli, Dar Sadir, Beirut, 1951–1955.
- Littmann E.* Thamud und Safa. Lpz., 1940.
- Lundin A.G.* Die arabischen Göttinnen *Ruḍā* und *al-ʿuzzā* // Al-Hudhud, Festschr. Maria Höfner. Hrs. von R.G. Stiegner. Karl-Franzens Univ. Graz, 1981, S. 211–218.
- Macdonald M.C.A.* Reflections on the Linguistic Maps of Pre-Islamic Arabia // Civilisations de l'Arabie préislamique (Actes de l'atelier européen. Aix-en-Provence 1–3 fév. 1996) éd. Ch. Robin, Yemen, 2000.
- Macdonald M. et M. al-Muʿazzin et Laila Nehmé.* Les inscriptions safaitiques de Syrie, cent quarante ans après leur découverte // Académie des inscriptions & Belles-lettres. Comptes rendus des séances de 1996, I–III. P., Diff. de Boccard, 1996, p. 435–494.
- Milik I.T., Winnet F.V.* Safaitic Inscriptions from Jordan // Near and Middle East Series (2). Univ. of Toronto Press, 1957.
- O'Connor M.* The Arabic Loanwords in Nabatean Aramaic // Journal of Near Eastern Studies, vol. 45, № 3. Chicago, 1986, p. 213–229.
- Oxtoby W.G.* Some Inscriptions of the Safaitic Bedouin // JAOS. 1968, vol. 50.
- Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904–1905 and 1909. Divis. IV. Semitic Inscriptions. Section C. Safaitic Inscriptions. Leyden, 1943; sec. D. Arabic Inscriptions. Leyden, 1949.
- Robin Chr.* Les plus anciens monuments de la langue arabe // L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet. Aix-en-Provence, 1991, p. 122–125.
- Robin Chr.* Du paganisme au monothéisme // L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet. Aix-en-Provence, 1991, p. 139–155.
- Stein, Peter.* The “Ḥimyaritic” Language in pre-Islamic Yemen. A Critical Re-evaluation // Semitica et Classica, 2008, № 1, p. 203–212.
- Aṭ-Ṭabarū ʿAbū Ġaʿfar Muḥammad ibn Ġarīr.* Taʿrīḥu r-rusul wa l-mulūk. V. I. al-Qāhira, 1960.
- Wahb ibn Munabbih.* Kitābu t-tiġān fī mulūk ḥimyar. 2-e éd. Préface d'Abd al-ʿAzīz al-Maḡālīh. Ṣanʿā, 1979.
- Winnet F.W.* Safaitic Inscriptions from Jordan. Univ. of Toronto Press, 1957.
- Winnet F.W., Harding G.L.* Inscriptions from Fifty Safaitic Cairns. Toronto–London, 1978.
- Yule Paul.* Himyar Spätantike im Yemen. Düsseldorf, 2007.
- Yūsif Muḥammad ʿAbdallah.* Naqšu l-qaṣīdati l-ḥimyarīyyati ʿaw tarīmātu š-šams // An-Naqāʾiṣ wa l-kitābātī l-qadīma fī l-waṭāni l-ʿarabiyy. Tūnis, 1988, c. 106–127.
- Zammit Martin R.* A Comparative Lexical Study of Qurʾānic Arabic. Leiden–Boston–Köln: Brill, 2002.

Summary

Anna Belova

Lexique de culte en Arabie préislamique dans l'épigraphie et dans la tradition arabe historique (Dieu, divinité, idole)

L'analyse du lexique de culte montre que le panthéon de l'Arabie Centrale se forme en résultat des longues contacts des habitants de l'Arabie Centrale avec des civilisations sémitiques anciennes polytheistes du Nord et du Sud. Ce panthéon «se superpose» sur les cultes des pierres et d'autres objets naturels qui étaient plus archaïques et qui reviennent aux croyances locales.